

**РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА
(ПЬЕР БЕЙЛЬ И БЕРНАРД МАНДЕВИЛЬ)**

Центры христианского богослужения – поставленные на широкую ногу академии драматического искусства. Добродетельный человек – это тот, кто прилежно выучил свою роль и играет ее убедительно и со знанием дела.

В противоположность им грешники – это те, кто либо не может, либо не хочет играть, как следует. Святые и герои – это великие актеры.

О. Хаксли

В статье представлен сравнительный анализ философско-религиозных взглядов знаменитых мыслителей Нового времени Пьера Бейля и Бернарда Мандевилля в контексте развития общественной мысли и социокультурной обстановки эпохи Раннего Просвещения. Пьер Бейль, француз по происхождению, эмигрировавший в Нидерланды из-за религиозных преследований, посвятил всю свою жизнь борьбе с предрассудками и косностью общественного сознания. Бернард Мандевиль, голландец с французскими корнями, переехал в Англию, где, обнаружив соответствие страны и обычаев духу языка, решил остаться навсегда и обрел скандальную популярность как автор множества оригинальных памфлетов. В центре внимания автора статьи трактовка П. Бейлем и Б. Мандевилем следующих проблем: взаимодействие веры и морали, атеизм, свобода совести. Проведенный анализ позволяет выявить преемственность воззрений Бейля и Мандевилля по ключевым позициям религиозной проблематики, а также их внутреннюю противоречивость.

философия, религия, мораль, нравственность, свобода совести, парадокс, Европа, Новое время.

Если суммировать содержание статьи «Парадокс» из Краткой литературной энциклопедии, то определение парадокса как разновидности художественной дефиниции будет выглядеть следующим образом: «...утверждение или изречение, противоречащее общепринятым понятиям или (часто только внешне) здравому смыслу... придает произведению остроумие и стилистический блеск... краток, четко сформулирован, логически завершен, эффектен и афористичен... часто свидетельствует о самобытности, независимости суждений»¹. Парадоксаль-

¹ Краткая литературная энциклопедия / под. ред. А.А. Суркова. М., 1968. Т. 5. С. 591–592.

ное высказывание строится на семантических отношениях аналогии и контраста, которые «приобретают эксплицитный (явно выраженный. – И.Э.) характер за счет столкновения антонимической лексики, в результате чего происходит расхождение авторской позиции с устоявшимися морально-нравственными нормами»².

В. Шмид, подчеркивая, что «парадокс доминирует в переходные эпохи, в неклассические, неупорядоченные общепринятыми нормирующими системами периоды, во времена эпистемологического беспокойства»³, в число контекстов и эпох, наиболее подверженных парадоксальному мышлению, включал и эпоху Барокко, время мыслителей, которые постигали человеческую природу с позиций рационализма и сенсуализма, и потому не могли не стать ниспровергателями непогрешимых в глазах их современников истин и критиками традиционной системы ценностей. Не будет преувеличением допустить, что самым блестящим «изобретателем» афористических парадоксов эпохи Барокко был герцог Франсуа де Ларошфуко. Исаак Бикерстафф, персонаж, используемый литераторами Дж. Аддисоном и Р. Стилом, крайне нелестно характеризовал герцога как непревзойденного мастера «в искусстве оправдания ленивой, завистливой и бесчестной части человечества»⁴. Действительно, Ф. Ларошфуко, полагавший, что каждая из добродетелей – это лишь маска противоположного порока, каждой своей максимой утверждал иллюзорность самого понятия «добродетель». «То, что люди называют добродетелью, – обычно лишь призрак, созданный их вожделениями и носящий столь высокое имя для того, чтобы они могли безнаказанно следовать своим желаниям», – писал он⁵. «На первый взгляд в «Максимах» используется деструктивный тип... Добрые поступки для Ларошфуко – фикция, ибо они порождены себялюбием, честолюбием и другими пороками человека. Однако эта установка – всего лишь искусная маска... Ведь очевидно, что... автор ориентирован не на создание своего рода альтернативной системы ценностей, а лишь на развенчание нравов современного ему общества»⁶. «Ларошфуко не посягал на высшие жизненные ценности, он лишь стремился найти скрытые мотивы поведения людей. Он словно хотел научить читателя различать истинное и ложное, и ему это блестяще удалось»⁷.

Исследователям творчества Ларошфуко остается спорить по поводу того, был ли герцог мизантропом и скептиком или подлинным гуманистом. В задачи данного исследования это не входит. Но интересно то, что афоризм «Наши добродетели – это чаще всего искусно перенаряженные пороки», вынесенный им в качестве эпиграфа к «Максимумам», представляющий квинтэссенцию его миро-

² Трусов В.Е. Парадокс как разновидность художественной дефиниции (на материале сборника афоризмов Ф. Ларошфуко «Максимы»). URL : <http://www.lib.csu.ru/vch/100/134.pdf>

³ Шмид В. Заметки о парадоксе // Парадоксы русской литературы : сб. ст. / под. ред. В. Марковича, В. Шмида. СПб. : ИНАПРЕСС, 2001. С. 16. О трактовке и содержании литературного парадокса см.: Федосеева Т.В., Ершова Г.И. К вопросу о литературном парадоксе // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2013. № 1/38. С. 83–92.

⁴ Tatler. 1709. 17 Dec. № 108.

⁵ Ларошфуко де Ф. Максимумы // Библиотека всемирной литературы. М., 1974. С. 104.

⁶ Трусов В.Е. Парадокс как разновидность художественной. С. 142.

⁷ Стогова А.В. Загадочный Ларошфуко // Новая и новейшая история. 1999. № 3.

воззрения, стал своего рода реперной точкой в теоретических построениях английского мыслителя Бернарда Мандевилля, чья публицистическая карьера началась с небольшого стихотворения «Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными» (1705), которое при жизни автора выдержало несколько изданий под названием «Басня о пчелах». Второе издание датировалось 1714 годом, а в 1723 году появилось третье издание, в котором, помимо самой поэмы, содержались комментарии к ней – развернутые философские эссе. Издание 1723 года стало предметом судебного преследования и чрезвычайно резкой критики со стороны общественности, которая сочла книгу в высшей степени аморальной, что достаточно закономерно, поскольку потенциальный посетитель книжной лавки, и не помышлявший углубляться в теоретические конструкции Мандевилля, испытал бы благочестивое негодование, только бросив взгляд на титульный лист с красовавшимся на нем парадоксом «Частные пороки, общественные добродетели». Мандевиль, как тонкий психолог, предчувствовал подобную реакцию и потому в «Защите книги от клеветы», приложенной к третьему изданию «Басни», писал в свое оправдание следующее: «Прошу прощения, если слова *частные пороки, общественные добродетели* когда-либо задели добродетельного человека. Их тайный смысл вскоре будет открыт, сразу же, как только их верно истолкуют; но ни один честный человек не усомнится в их подлинности, если прочитает последний абзац, где я прощаюсь с читателем, повторяя, казалось бы, парадокс, наличие которого освещается на титульном листе: «Частные пороки в руках умелого политика могут превратиться в общественные добродетели»⁸. И то обстоятельство, что Мандевиль соединил эти два понятия только запятой, а не тире, делает его позицию по вопросу соотношения этих понятий далеко не очевидной.

Безусловно, в своей трактовке происхождения морали и особенностей человеческой психологии Мандевиль опирался на идеи Ларошфуко. Но если «Максимы» представляли собой изысканную коллекцию абстрактно-философских истин, застывших в своем категоричном совершенстве, то Мандевиль, не ограничиваясь разоблачительной риторикой, идет дальше и исследует механизм трансформации порока в добродетель и «вычисляет» экономические и социальные эффекты этого процесса. «Образно говоря, разницу между Мандевилем и Ларошфуко можно обозначить как разницу между разочаровавшимся французским аристократом и практичным английским или голландским буржуа»⁹.

Гораздо ближе по духу к Мандевиллю был Пьер Бейль¹⁰. Покинув Францию из-за религиозных преследований, после того, как его брат скончался в тюрьме,

⁸ Mandeville B. The fable of bees. L., 1992. Vol. 1. P. 411.

⁹ Horne T. The social thought of Bernard Mandeville. N.Y., 1978. P. 25.

¹⁰ Пьер Бейль (1647-1702)- французский публицист и философ. Основные труды: «Разные мысли, изложенные в письме к доктору Сорбонны по случаю кометы, появившейся в декабре 1680 года», «Философский комментарий на слова Иисусу Христа “Заставь их войти”» (1686), «Исторический и критический словарь (1695–1697). О П. Бейле см.: Фейербах Л. Пьер Бейль в истории философии и человечества // История философии. М., 1967. Т. 3 ; Пиков В. Пьер Бейль. М., 1933 ; Богуславский В.М. Пьер Бейль / Ин-т философии РАН. М., 1995. 181 с. ; Вязовский А. Борьба Пьера Бейля за свободу совести и свободу мысли // История атеизма и свободомыслия. URL : <http://www.atheism.ru/> ; Dibson P. Pierre Bayle. Elveisier, 1959 ; Kinsley M. The rise of French liberal

Бейль поселился в Голландии и посвятил свою жизнь борьбе с религиозными предрассудками. Любопытно, что Бейль читал публичные лекции в Роттердамском университете как раз в то время, когда Мандевиль посещал школу, хотя свидетельств того, что он прослушал этот лекционный курс, не сохранилось.

Рамки данного исследования не позволяют провести сравнительный анализ социально-философских, этических и экономических аспектов творчества Мандевиля и Бейля, и целесообразно остановиться на трактовке ими ключевых вопросов так называемого «религиозного блока» – проблемы истинной веры, атеизма, свободы совести, того, что входит в область взаимодействия религии и морали. Взгляды Бейля получили широкое освещение в научной литературе в силу того, что его перо, перо борца за свободу человеческого духа было направлено на решение философско-религиозных проблем. С Мандевилем иная ситуация. Традиционно в научной литературе анализируются социально-философские, этические и экономические аспекты его творчества¹¹, в то время как религиозные воззрения в большинстве случаев остаются вне поля исследовательского интереса.

Тем не менее, Мандевиль отнюдь не скрывал своих убеждений по ключевым позициям религиозной проблематики, в той или иной степени освещая их в своих произведениях. Наиболее полно его взгляды изложены в трактате «Свободные мысли о религии, церкви и национальном благоденствии» (1729), на который главным образом мы будем опираться. Для полноты также будет привлечен более ранний трактат «Несчастья, справедливо ожидаемые от вигского правительства» (1714).

Мандевиль так привык к обвинениям в безбожии и беспринципности, что каждое свое произведение предварял небольшой прамбулой, свидетельствующей о чистоте его намерений. «Свободные мысли» – не исключение. «Изменники и враги истины будут кричать, что “Свободные мысли” нечестивы и безбожны, ибо истинный смысл слов часто искажается и толкуется превратно... но, до-

thought. A study of political ideas from Bayle to Condorcet : Literary Licensing, 2011 ; Wieland Greiner. Bayles Skeptizismus: Bayles Strategien zur Destruktion theonomer Ethik. Grin Verlag, 2013.

¹¹ О взглядах Б. Мандевиля см.: Субботин А.Л. Бернард Мандевиль. М. : Мысль, 1986 ; Марков М.В. «Басня о пчелах» Б. Мандевиля и ее восприятие в экономической науке XVIII–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 5. Вып. 1. Март ; Ильин Д.В. Английский просветитель Б. Мандевиль о происхождении общества и государства // Запад, Восток, Россия в новое и новейшее время: история, политика, международные отношения, право. Владимир, 2005. Вып. 2. С. 17–24 ; Эрлихсон И.М. Экономико-социальная антиутопия Б. Мандевиля «Басня о пчелах»: цели написания, идейная парадигма и жанровые особенности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». М., 2009. № 2. С. 125–133 ; Эрлихсон И.М. Социально-экономические и философские взгляды Б. Мандевиля (1670–1733) // Российский научный журнал. 2010. № 18. С. 70–80 ; Эрлихсон И.М. Памфлет Б. Мандевиля «Благопристойные аргументы в пользу государственных публичных домов»: к вопросу о цели написания и жанре // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 66–68 ; Mandeville studies. New explorations in the art and thought of Dr. Bernard Mandeville / ed by. I. Primer. The Hague : Martinus Nijhoff, 1975 ; Goldmith M. Private Vices, Publick Benefit: Bernard Mandeville's social and political though. Cambridge : Cybereditions Corporation, 1985.

рогой читатель, пусть это не отвратит тебя от внимательного прочтения этих страниц»¹².

Трактат разделен на двенадцать глав, содержание которых Мандевиль «анонсировал» в предисловии. «В первой, – пишет он, – я буду рассуждать об общих вопросах религии, как теоретических, так и практических; о христианах и о тех, кто не заслуживает именоваться оными... Я докажу, что то, что обычно называется верой, – лишь малая толика христианства, в коей преуспели многие, а самое сложное в религии – это подчинить наши страсти любви к Господу и подчиниться Его воле. <...> И, наконец, я докажу, что истинные христиане не могут испытывать ненависть друг к другу из-за расхождений в вероучении и потому должны стремиться к миру и взаимному согласию»¹³.

«Религия состоит в признании вечной силы, высшей по отношению к земной власти, незримо управляющей миром и стремлении исполнять обязанности, налагаемые на каждого этой силой»¹⁴. Очень четкое и лаконичное определение, равно подходящее для представителей разных вероисповеданий христианства, ислама, иудаизма и даже язычества. Мандевиль фактически воспроизвел слова Бейля, незначительно перефразировав их: «Сущность религии состоит в суждении, какое наш ум составляет о Боге, и в душевных движениях почтения, страха и любви, испытываемых нашей волей в отношении Бога... Внутреннее расположение [души], в котором заключается сущность религии, проявляется вовне в телесном смирении и знаках уважения, какое душа испытывает к величию Бога»¹⁵.

Жизнь истинного христианина складывается из двух неравноценных элементов: веры в мистические и исторические истины Священного Писания и соблюдение изложенных в нем правил – неравноценных лишь на первый взгляд, так как «истинная вера» в обывательском понимании есть такой же суррогат, как «соблюдение» заповедей в обывательском исполнении. Образованному христианину не составляет труда верить в то, что содержится в Священном Писании, полагает Мандевиль, проницательно указывая на то, что вера редко бывает абсолютной. «Откуда возникают трудности, мешающие человеку верить?» – этот вопрос задавал Бейль и сам же на него отвечал: «Дело не в том, что верить так легко, а в том, что люди думают, будто нет ничего легче, чем поверить, и не пытаются разобраться в том, что такое верить...»¹⁶.

В размышлениях Бейля центральным понятием является живой и «отчетливый свет [разума], который просвещает всех людей... Этот свет неопровержимо убеждает их в том, что он есть истина. Отсюда следует заключить, что существенная и субстанциональная истина, которая столь непосредственно просвещает нас и позволяет нам созерцать в ее сущности идеи

¹² Mandeville B. Free thoughts on religion, the church and national happiness. L., 1729. P. III.

¹³ Ibid. P. IV.

¹⁴ Ibid. P. 1.

¹⁵ Бейль П. Философский комментарий на слова Иисуса Христа “Заставь их войти” // Исторический и критический словарь : в 2 т. / под ред. В.М. Богуславского. М. : Мысль, 1968. Т. 2. С. 280.

¹⁶ Там же. С. 260.

вечных истин, содержащиеся в принципах или общепринятых понятиях метафизики, есть сам Бог»¹⁷.

Бейль прослеживает прямую зависимость между интеллектом, уровнем образованности индивида и его способности к восприятию догматов веры. «По моему, естественный свет [разума] или логика показывает, что мы обязаны знать лишь то, о чем мы в достаточной мере извещены, и верить лишь тому, что нам было доказано убедительными доводами. Но эта достаточность извещения, эта оброчетелях, Мандевиль и Бейль коснулись проблемы атеизма. Как только Бог лишается таких качеств, как милосердие, святость и справедливость, и начинает восприниматься как суровый законодатель, запретивший совершать преступления, но подталкивающий человека к ним, а затем сурово наказывающий его, вера в него подтачивается, а затем и вовсе иссякает. Это прямая дорога к атеизму, утверждает Бейль. «Разве это не значит выставить религию на посмешище вольнодумцам, убедительность доказательств находится в существенном отношении к качеству ума тех лиц, которых хотят поучать. Ведь та степень света, которая достаточна для убеждения одного определенного человека, окажется недостаточной для другого...»¹⁸. При этом Бейль выступает против использования философии в качестве инструмента рационального объяснения богословских догматов. «А те, кто верит в бессмертие души, исходя лишь из философских идей, доставляемых разумом, – саркастически резюмирует он, – имеют не больше шансов попасть в Царство Небесное, чем те, кто считает, что целое больше части...»¹⁹.

Бейль отмечает, что люди с чрезвычайной самоуверенностью пытаются обмануть самих себя, неумело маскируя истинные причины своего неверия, «не осмеливаются признаться, что причина того, что Евангелие нас не устраивает, заключается в том, что оно повелевает нам жить *добродетельно*, хотя именно это и вызывает великое неудовольствие. Вот и подыскивается оправдание, и начинают спорить против умозрительных догматов»²⁰. Поэтому чаще всего и встречается так называемая поверхностная вера, не подкрепленная соответствующими поступками. Когда «человеку заявляют, что для того, чтобы как следует верить в Евангелие, необходимо умерщвлять свою плоть, сносить презрение и оскорбления, любить своих врагов... тогда разум и природа при полном согласии между собой поднимают мятеж и человек больше слышать не хочет о христианской религии»²¹.

Мандевиль вслед за Бейлем констатирует, что самое сложное в христианстве – жить в соответствии с божественными заповедями. Немногие наделены столь возвышенными и героическими добродетелями, способными обуздать страсти и желания. Кто любит своих врагов и делает им добро? Как жалки и не-

¹⁷ Бейль П. Философский комментарий на слова Иисуса Христа “Заставь их войти”. С. 270.

¹⁸ Там же. С. 340–341.

¹⁹ Бейль П. Исторический и критический словарь. Т. 1. С. 172.

²⁰ Бейль П. Философский комментарий на слова Иисуса Христа “Заставь их войти”. Т. 2. С. 261.

²¹ Там же. С. 260–261.

верны лелеемые людьми представления о религиозных обязанностях! Обычный человек не знает иных грехов, кроме как убийство, кража, прелюбодеяние или пение, азартные игры, работа по воскресеньям, и потому жадный, надменный человек, не запятанный ими, уже считается добродетельным, а если он еще и регулярно посещает церковную службу, то и добрым христианином. Но люди забывают, что обязанности христианина должны выполняться не с оглядкой на общественное мнение, а исключительно из любви к Господу. Чтобы оценить тот или иной поступок, нужно проанализировать его мотивы. И дабы доказать разницу между стремлением избежать греховных поступков из-за гордости и осторожности или добродетелью, проистекающей из любви к Богу, Мандевиль приводит примеры из области женской и мужской психологии.

Трудно назвать по-настоящему добродетельным молодого человека во цвете лет, который избегает общения с распутными женщинами из-за соображений экономии или страха заразиться дурной болезнью. В этом случае он не обуздывает страсти, а просто замещает одну другой: потеря удовольствия, полученная от удовлетворения похоти, компенсируется тщеславием и уверенностью в сохранности здоровья. Или представьте себе непорочную юную леди, предлагает он, блюдушую себя, избегающую соблазнов и не допускающую ни пятнышка на своей репутации. Языческий Рим не знал недостатка в подобных особах, так как страх перед нежелательной беременностью и опасностью прослыть шлюхой охраняли женское целомудрие лучше, чем догматы христианства. Очевидно, что этот пример Мандевиль откровенно позаимствовал из трактата Бейля «Разные мысли, изложенные в письме к доктору Сорбонны по случаю появления кометы в 1680 году». «Неоспоримым фактом является то, что в течение трех или четырех веков существования Древнего Рима скромность, воздержанность и целомудрие были распространены среди женщин гораздо больше, чем тысячу лет спустя у христиан. <...> Столь великая чувствительность в вопросах чести не могла у римских женщин вызываться религией, которую они исповедовали, поскольку для этого требовалось, чтобы их религия сообщала им, что распутство вызывает гнев богов. Но их религия не только не сообщала им ничего подобного, но, напротив, говорила им, что их боги крайне распутны»²².

«Как бы там ни было, всегда остается верным, что внешние знаки в человеке, ничего в отношении Бога не чувствующем, не в большей мере представляют собой почитание, воздаваемое Богу, чем опрокидывание статуи случайным порывом ветра представляет собой почитание лица, в честь которого воздвигнута эта статуя», – не без иронии констатирует Бейль²³. Мандевиль с ним солидарен, замечая, что без внутреннего религиозного чувства ни отправление внешнего культа, ни благотворительность не ведут к вечному спасению. Хотя люди, как пронизательно отмечал Мандевиль, гораздо хуже, чем кажутся или хотят казаться, но им не откажешь в хитрости и дальновидности. Они готовы распла-

²² Бейль П. Разные мысли, изложенные в письме к доктору Сорбонны по случаю появления кометы в 1680 году // Исторический и критический словарь. Т. 2. С. 250–251.

²³ Бейль П. Философский комментарий на слова Иисуса Христа “Заставь их войти”. С. 280.

тяться с Богом любым способом, готовы сделать что угодно, только не расстаться со своими излюбленными грехами. При этом люди с чрезвычайной самоуверенностью пытаются обмануть самих себя, неумело маскируя истинные причины своего неверия. «Не осмеливаются признаться, что причина того, что Евангелие нас не устраивает, заключается в том, что оно повелевает нам жить *добродетельно*, хотя именно это и вызывает великое неудовольствие. Вот и подыскивается оправдание, и начинают спорить против умозрительных догматов» (курсив наш. – И.М.)²⁴. Будучи неспособными усмирить желания и укротить плоть и осознавая неизбежность вечного проклятия, люди стремятся найти некий эквивалент для избавления от своих страхов. «Они надеются получить что-то от своей молитвы, в случае если есть существо, которое слышит их и может удовлетворить их просьбы»²⁵. Так ленивые школяры, чтобы избежать порки, готовы на все, за исключением выполнения непосредственного задания. Молитвы за души усопших, индульгенции живым и прочие иллюзорные уловки, которые якобы спасают от чистилища, – вот нелепые представления, навязываемые хитрым духовенством невежественным массам. Они последовательно внушают, что вера сводится к внешнему отправлению религиозного культа, и в результате люди уверены, что регулярное посещение церкви – это достаточная компенсация за пренебрежение другими обязанностями, более важными, и, как следствие, пребывание в церкви превращается в пустую формальность, способ убить время. И, действительно, лицемерие разъяренного «пастыря», изрыгающего проклятия с церковной кафедры, по эмоциональному накалу ничуть не уступает зрелищу корриды, собачьих или петушиных боев с той разницей, что наслаждаться им можно без риска для жизни и здоровья.

Путем принуждения можно произвести трансформацию религиозного сознания индивидуума, но эффект будет ограничиваться исключительно внешними проявлениями. Лица, подвергнувшиеся различным видам принуждения – угрозам, штрафам, ссылкам, телесным наказаниям, публичным казням, будут почитать Бога навязанным им способом, но «внутреннее расположение души», «внутреннее состояние в отношении Бога», которое, по убеждению Бейля, и образует сущность религии, остается прежним. А если внешние проявления почитания Бога не соответствуют или противоречат внутреннему состоянию души, то они представляют «акты лицемерия и недобросовестности или вероломства и бунта против совести». Следовательно, заключает Бейль, «применять насилие, чтобы внушить религию тем, кто ее не исповедует... дело, явно противоречащее здравому смыслу, естественному свету, всеобщим принципам разума...»²⁶. И, по его мнению, именно христианство в сравнении с другими религиями обладает наибольшим потенциалом нетерпимости и агрессии. Персонифицируя христианство, философ проводит нелюбимую аналогию между этапами его развития и вехами человеческой жизни профессионального «Тартюфа». Так, выбравшись из состояния ничтоже-

²⁴ Бейль П. Разные мысли, изложенные в письме к доктору Сорбонны по случаю появления кометы в 1680 году. С. 261.

²⁵ Бейль П. Исторический и критический словарь. Т. 1. С. 152.

²⁶ Бейль П. Философский комментарий на слова Иисуса Христа «Заставь их войти. С. 282.

ства, в котором оно пребывало в детстве и ранней юности, христианство достигло вершины и, отбросив маску скромности и смирения, распространяя в мире насилие, жестокость, показало истинное свое лицо.

У Мандевилля свои критерии, которым должен соответствовать истинный христианин: христианская доктрина запрещает ненависть и предписывает каждому из нас смирение и покорность, и христианин, который исполняет эти предписания, не может ненавидеть своих братьев, как если бы они были мусульманами или язычниками. Взгляды и чувства людей любой веры равно заслуживают уважения. Протестанты, допускающие насилие в вопросах вероисповедания, ничем не отличаются от католиков. Зло не в тех или иных догматах веры, а в отсутствии свободы совести. Следовательно, не религия – источник разногласий, разрушающих единство англичан, а священнослужители, которые извращают Слово Божие, искусственно разжигают рознь и нарушают общественное спокойствие. Здесь имеется в виду англиканская церковь, одна из излюбленных мишеней мандевилевского сарказма.

Главная ошибка англиканской церкви заключается в том, что она использует неверную тактику, запугивая там, где надо действовать силой убеждения. «Вместо того, чтобы проклинать инакомыслящих и грозить им всеми ужасами преисподней, не лучше ли относиться к ним как к братьям и согражданам, которые по праву рождения имеют равные с нами права и привилегии»²⁷. Дело в том, что под словом «церковь» торийское духовенство имеет в виду исключительно самих себя, забывая об истинном благочестии и подлинной вере. В их терминологии врагами являются те, кто подрывают интерес церкви. Но здесь возникает закономерный вопрос: о каком именно интересе идет речь? «Духовный интерес церкви заключается в том, чтобы каждый человек жил в страхе Божьем, следовал Его заповедям, любил ближнего как самого себя; и если кто-нибудь нарушает этот интерес, его следует повесить. Что же до светского интереса, то разве можно говорить о его ущемлении, пока платится церковная десятина, сохраняются иные привилегии духовенства, а епископы заседают в палате лордов?»²⁸. На чем же основаны разговоры об угрозе англиканской церкви? «В стране, жители которой имеют четкое представление о свободе, король не может нарушать законы без поддержки духовенства, проповедующего доктрину пассивной покорности. Ни одно духовное лицо не поддержит тирана, не будучи уверенным в том, что, сделавшись необходимым, будет вправе требовать от него денег и почетных должностей... Но когда они обнаруживают, что их услуги более не нужны, они кричат об обмане и предательстве, подстрекая свою верную паству к заговорам и мятежам... Неудивительно, что интересы церкви всегда противоречат национальным интересам... Процветание королевства для них такая же кость в желудке, как пышущий здоровьем пациент для предприимчивого эскулапа»²⁹.

²⁷ [Bernard Mandeville] *The mischiefs that ought justly to be apprehended from a Whig-government*. Los Angeles : University of California, 1975. P. 18.

²⁸ Ibid. P. 33–34.

²⁹ Ibid. P. 37–39

Рассуждая о христианских догматах и изображая Бога существом, создающим законы против преступления, которые он же заставляет нарушать, чтобы иметь повод наказывать?»³⁰.

Бейль дает следующее определение атеизму: «Можно свести атеизм к общему положению, гласящему, что природа есть причина всех вещей, что она существует вечно и лишь благодаря самой себе и что она всегда действует соответственно всей совокупности своих сил и по непоколебимым законам, которых сама не знает... никакие усилия людей не могут ничего изменить или нарушить в сцеплении явлений...»³¹.

Мандевиль делил атеистов на два типа: созерцательные и практические. Первые – это несчастные люди, склонные преувеличивать могущество разума, отравленные ядом скепсиса, заблудившиеся в лабиринтах философии и, в конце концов, перестающие верить в то, что не могут постигнуть. Практические атеисты – это либертены, испытавшие все виды порока, не осознающие ни чудовищности своих поступков, ни адекватности полагающегося им наказания. Пытаясь побороть свои страхи, они отрицают существование Бога только потому, что они хотят, чтобы Его не было. Они проводят жизнь в дебошах и скандалах, высмеивая все святое, и заканчивают жизнь в мучительной агонии и отчаянии. Вирусом атеизма обычно заражаются аристократы в веселой беззаботной юности, а последний гвоздь в крышку несостоявшегося благочестия вбивает свободное образование, и потому для людей низкого происхождения атеизм является непозволительной роскошью.

К слову, Бейль не считал, что люди подобного типа не имеют права называться атеистами, так как подлинный атеизм не выставляется напоказ, а те, кто бахвалятся своим свободомыслием, руководствуются не голосом совести, а тщеславием. «Очевидно, что те, кто любит оспаривать в обществе самые общепринятые истины религии, говорят об этом больше того, что думают. Они воображают, что странность и смелость защищаемых ими мнений создаст им репутацию большого ума... И если к их тщеславию присоединяется, исполненная наслаждений, то они вообще быстрее идут по этому пути. Эта дурная привычка... усыпляет полученные ими с детства мысли об истинах, касающихся божества, рая и ада. Но этого сразу не потушишь, это огонь, лишь скрытый под пеплом. Такие люди чувствуют влияние этих мыслей <...> прежде всего перед лицом какой-нибудь опасности... Воспоминание о том, как они выражали свое презрение к святыням... удваивает их тревогу...»³². Не стоит ставить знак равенства между беспутным либертеном, ведущим свободный образ жизни, и подлинным атеистом, то есть человеком, пришедшим к идее отказа от любых форм религиозного чувства в результате «череды глубоких размышлений». Главным образом атеистам адресованы симпатии Бейля, утверждающего, что человек, живущий в координатах системы атеизма, едва ли впадет в абсолютный ниги-

³⁰ Бейль П. Философский комментарий на слова Иисуса Христа «Заставь их войти». С. 339.

³¹ Там же. С. 453–454.

³² Бейль П. Исторический и критический словарь. Т. 1. С. 152–153.

лизм или превратит свою жизнь в бесконечную погоню за наслаждением. «Он бережет свои воззрения либо для одного лишь себя, либо для лиц, которых он считает вполне способными не дать этим воззрениям дурное употребление»³³. Таких людей очень мало и еще меньше тех, кто, живя в координатах атеизма, идет до конца. «...Чтобы освободиться от веры в Бога и полностью отбросить чувство и восприятие божества, которыми мы пропитаны до мозга костей, необходима чудовищная бешеная сила души... Хотя великие и выдающиеся атеисты предпринимали большие усилия, чтобы сбросить возвышающееся над ним божество... но наиболее искушенные... не могли достичь упомянутой цели. Когда им случалось попасть в очень трудное положение, они поддавались религиозным чувствам как малые дети»³⁴.

В предисловии к «Свободным мыслям о религии» Мандевиль писал: «Сведущие люди очень скоро поймут, что я широко использовал мысли монсеньора Бейля, не сославшись на него»³⁵. Можно выделить следующие аспекты философско-религиозной проблематики, по которым позиция Мандевилля вкуче с приводимой им аргументацией является едва ли не зеркальным отражением идей роттердамского философа.

В понятийном аппарате Бейля центральное место занимают категории «естественного света», «естественной справедливости», «совести», озаряющие каждого человека с момента рождения и, по сути, являющиеся его важнейшими антропологическими характеристиками. «Естественный свет» – это встроенный в сознание индивида барометр, по шкале которого можно оценивать истинность и нравственность положений, выдвигаемых в науке и жизни. И то, что преподносится Писанием, истинно лишь в том случае, если пройдет проверку аксиомами «естественного света». Следовательно, «в нравственном сознании, являющемся по Бейлю прирожденным свойством нашего интеллекта, нет ничего религиозного. <...> это лишенное религиозного содержания нравственное сознание объявляется судьей всего содержания религии. Это название «естественная религия» не может, таким образом, затушевать тот факт, что у Бейля религия, религиозное сознание подменяются нравственностью, нравственным сознанием...»³⁶.

Одна из идей, которую Мандевиль отстаивал на протяжении нескольких десятилетий, заключалась в утверждении независимости морали от религии, нравственных и безнравственных поступков от любого рода религиозных убеждений. А в «Свободных мыслях» он неоднократно апеллирует к некоему внутреннему «чувству религии», которое якобы должно наличествовать у истинных христиан, ибо именно оно превращает акт веры в искренний порыв души. Ведь нельзя отрицать, что истоки веры корыстны, и человек, совершив отправление внешнего культа, осознанно или неосознанно ждет вознаграждения вне зависи-

³³ Бейль П. Исторический и критический словарь. Т. 1. С. 153.

³⁴ Там же. Т. 2. С. 86.

³⁵ Mandeville B. Free thoughts on religion, the church and national happiness. L., 1720. P. XIX.

³⁶ Богуславский В.М. Борец за свободу совести // Бейль П. Исторический и критический словарь. Т. 1. С. 18–19.

мости от того, будет ли оно иметь материальное воплощение при жизни (мирские блага) или последует после смерти в виде загробного воздаяния.

Здесь возникает закономерный вопрос: каким образом «нравственность» и «совесть» вписываются в представления уважаемых философов о человеческой природе? Так, Бейль утверждал, что разум дан человеку для того, чтобы сомневаться во всем. Доказывая, что общество атеистов функционирует по тем же законам, что и общество христиан, он настаивал на том, что побудительными мотивами человеческой деятельности являются «страсти сердца», главная из которых эгоизм, и естественное стремление к удовольствию. Но Бейль пошел дальше утверждения о том, что пороки и добродетели равно стимулируют одинаковые поступки, заявив, что именно пороки являются основой экономического процветания, а христианские добродетели – препятствием к нему. «Истинные христиане, как мне кажется, воспринимают себя путешественниками, пилигримами на пути к раю. Пребывание в земном мире они считают кратковременным изгнанием... они усмиряют плоть, преодолевают стремление к суетным богатству и славе, удовольствия мнят грехом... Я уверен, что нация, целиком состоящая из подобных людей, станет легкой добычей врага, так как у них не будет ни солдат, ни денег на военные расходы»³⁷.

Мандевиль еще в своей знаменитой «Басне о пчелах» и комментариях к ней убедительно доказал, что главной антропологической характеристикой человека в естественном состоянии является удовлетворение собственных желаний и аффектов вне зависимости от того, принесет ли это добро или зло другим. В своих работах он приводил бесчисленное число примеров, доказывающих происхождение морали «посредством лести из гордости» и подтверждающих его тезис о том, что «в основе всех благородных, самоотверженных, великодушных или просто добрых, сострадательных поступков лежит стремление удовлетворить собственную гордость, тщеславие или, по меньшей мере, избежать неудовольствия, противного нашей эгоистической натуре»³⁸.

Итак, здание морали, как общечеловеческой, так и религиозной, построено на принципе преодоления самолюбия для удовлетворения гордости. Уже один этот тезис в корне противоречит главной христианской заповеди, предписывающей возлюбите ближнего своего как самого себя, и, самое главное, рассуждениям самого Мандевилья о некоем внутреннем религиозном, читай нравственном, чувстве. Ведь согласно его логике ни один человек априори не может обладать таким чувством в силу своего природного, а потому непреодолимого эгоизма. Более того, общество, целиком состоящее из подобного рода людей, было бы обречено на регресс и упадок, как было блестяще показано в «Басне о пчелах».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Богуславский, В.М. Пьер Бейль [Текст] / Ин-т философии РАН. – М., 1995. – 181 с.

³⁷ Цит. по: Horne T. The social thought of Bernard Mandeville. N.Y., 1978. 123 p. P. 30.

³⁸ Субботин А.Л. Бернад Мандевиль. М., 1986. С. 49.

2. Бейль, П. Исторический и критический словарь [Текст] : в 2 т. / под ред. В.М. Богуславского. – М. : Мысль, 1968. – Т. 1. – 390 с. ; Т. 2. – 512 с.
3. Ильин, Д.В. Английский просветитель Б. Мандевиль о происхождении общества и государства [Текст] // Запад, Восток, Россия в новое и новейшее время: история, политика, международные отношения, право. – Владимир, 2005. – Вып. 2. – С. 17–24.
4. Краткая литературная энциклопедия [Текст] / под. ред. А.А. Суркова. – М., 1968. – Т. 5. – 975 с.
5. Ларошфуко, де Франсуа. Максимы [Текст] // Библиотека всемирной литературы. – М., 1974. – 540 с.
6. Марков, М.В. «Басня о пчелах» Б. Мандевилья и ее восприятие в экономической науке XVIII–XX вв. [Текст] // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2003. – Серия 5. – Вып. 1. Март.
7. Стогова, А.В. Загадочный Ларошфуко [Текст] // Новая и новейшая история. – 1999. – № 3. – С. 3–17.
8. Субботин, А.Л. Бернард Мандевиль [Текст]. – М. : Мысль, 1986. – 130 с.
9. Трусов, В.Е. Парадокс как разновидность художественной дефиниции (на материале сборника афоризмов Ф. Ларошфуко «Максимы») [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lib.csu.ru/vch/100/134.pdf>
10. Федосеева, Т.В. К вопросу о литературном парадоксе [Текст] / Т.В. Федосеева, Г.И. Ершова // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2013. – № 1/38. – С. 83–92.
11. Шмид, В. Заметки о парадоксе [Текст] // Парадоксы русской литературы : сб. ст. / под. ред. В. Марковича, В. Шмида. – СПб. : ИНАПРЕСС, 2001. – С. 9–16.
12. Эрлихсон, И.М. Экономико-социальная антиутопия Б. Мандевилья «Басня о пчелах»: цели написания, идейная парадигма и жанровые особенности [Текст] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2009. – № 2. – С. 125–133.
13. Эрлихсон, И.М. Социально-экономические и философские взгляды Б. Мандевилья (1670–1733) [Текст] // Российский научный журнал. – 2010. – № 18. – С. 70–80.
14. Эрлихсон, И.М. Pamфлет Б. Мандевилья «Благопристойные аргументы в пользу государственных публичных домов»: к вопросу о цели написания и жанре [Текст] // Диалог со временем. – 2011. – № 37. – С. 66–68.
15. Horne, T. The social thought of Bernard Mandeville [Text]. – N.Y., 1978. – 123 p.
16. Mandeville, B. Free thoughts on religion, the church and national happiness [Text]. – L., 1729. – 409 p.
17. [Bernard Mandeville] The mishiefs that ought justly to be apprehended from a Whig-government [Text]. – Los Angeles : University of California, 1975.
18. Mandeville studies. New explorations in the art and thought of Dr. Bernard Mandeville [Text] // ed by. I. Primer. – The Hague : Martinus Nijhoff, 1975. – 225 p.
19. Mandeville, B. The fable of bees [Text]. – L., 1992. – 412 p.
20. Goldmith, M. Private Vices, Publick Benefit: Bernard Mandeville's social and political thought [Text]. – Cambridge : Cybereditions Corporation, 1985.

REFERENCES

1. Boguslavsky, V.M. Pierre Bayle [Text] // Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. – M., 1995. – 181 p.

2. Bayle, P. Istoricheskiy i kriticheskiy slovar [Historical and critical Dictionary] [Text] : in 2 vols / ed by. V.M. Bohuslavsky. – M. : Thought, 1968. – Vol. 1. – 390 p. ; Vol. 2. – 512 p.
3. Il'in, D.V. Angliyskiy prosvetitel B. Mandevil o proishozhdenii obschestva i gosudarstva [English enlightener B. Mandeville of the origin of society and the state] [Text] // Zapad, Vostok, Rossiya v novoe i noveyshee vremya: istoriya, politika, mezhdunarodnyie otnosheniya, pravo. – West, East, Russia in modern and contemporary times: history, politics, international relations, law. – Vladimir, 2005. – No. 2. – P. 17–24.
4. Kratkaya literaturnaya entsiklopediya [Short Literary Encyclopedia] [Text] / ed by. A.A. Surkov. – M., 1968. – Vol. 5. – 975 p.
5. Francois de La Rochefoucauld. Maksimyi [Maxims] [Text] // Biblioteka vseмирnoy literaturyi. – Library of world literature. – M., 1974. – 540 p.
6. Markov, M.V. «Basnya o pchelakh» B. Mandevilya i ee vospriyatie v ekonomicheskoy nauke XVIII–XX vv. [B. Mandeville's "The Fable of the Bees" and its perception in economics 18–19th centuries] [Text] // Vestnik Saint-Petersburgskogo universiteta. – Bulletin of St. Petersburg University. – 2003. – Ser. 5. – Iss. 1. March.
7. Stogova, A.V. Zagadochnyy Laroshfuko [Mysterious Rochefoucauld] [Text] // Novaya i noveyshaya istoriya. – Modern and Contemporary History. – 1999. – No. 3. – P. 3–17.
8. Subbotin, A.L. Bernard Mandevil [Bernard Mandeville] [Text]. – M. : Thought, 1986. – 130 p.
9. Trusov, V.E. Paradoks kak raznovidnost hudozhestvennoy definitsii (na materiale sbornika aforizmov F. Laroshfuko «Maksimyi») [Paradox as a kind of artistic definition (based on F. Rochefoucauld «Maxims») [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.lib.csu.ru/vch/100/134.pdf>
10. Fedoseeva, T.V. K voprosu literaturnom paradokse [On the problem of literary paradox] [Text] // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina. – Bulletin of Ryazan State University named after S.A. Yesenin. – 2013. – No. 1/38. – P. 83–92.
11. Shmidt, V. Zаметki o paradokse [Notes on the paradox] [Text] // Paradoksyi russkoy literaturyi. – Paradoxes of Russian literature: collection of articles. – Saint-Petersburg : IN-APRESS, 2001. – 9–16.
12. Erlikhson, I.M. Ekonomiko-sotsialnaya antiutopiya B. Mandevilya «Basnya o pchelakh»: tseli napisaniya, ideynaya paradigma i zhanrovyye osobennosti [B. Mandeville's economic and social dystopia «The Fable of the Bees»: the purpose of writing, the ideological paradigm and genre features] [Text] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriya i politicheskie nauki». – Bulletin of Moscow State Regional University. Series «History and Political Science». – 2009. – No. 2. – P. 125–133.
13. Erlikhson, I.M. Sotsialno-ekonomicheskie i filosofskie vzglyady B. Mandevilya (1670–1733) [Socio-economic and philosophical views B. Mandeville (1670–1733)] [Text] // Rossiyskiy nauchnyy zhurnal. – Russian scientific journal. – 2010. – No. 18. – P. 70–80.
14. Erlikhson, I.M. Pamflet B. Mandevilya «Blagoprystoynnye argumentyi v polzu gosudarstvennyih publichnyih domov»: k voprosu o tseli napisaniya i zhanre [Mandeville's pamphlet «A modest defence of publick stewes»: to the problem of the purpose of writing and genre] [Text] // Dialog so vremenem. – Dialogue with time. – 2011. – No. 37. – P. 66–68.
15. Horne, T. The social thought of Bernard Mandeville [Text]. – N.Y., 1978. – 123 p.
16. Mandeville, B. Free thoughts on religion, the church and national happiness [Text]. – L., 1729. – 409 p.

17. Bernard Mandeville. The mishiefs that ought justly to be apprehended from a Whig-government [Text]. – Los Angeles : University of California, 1975.
18. Mandeville studies. New explorations in the art and thought of Dr. Bernard Mandeville [Text] / ed by. I. Primer. – The Hague : Martinus Nijhoff, 1975. – 225 p.
19. Mandeville, B. The fable of bees [Text]. – L., 1992. – 412 p.
20. Goldmith, M. Private Vices, Publick Benefit: Bernard Mandeville's social and political thought [Text]. – Cambridge : Cybereditions Corporation, 1985.

I.M. Erlikhson

**RELIGIOUS AND MORAL ASPECTS OF HUMANITY IN EUROPEAN
SOCIAL AND POLITICAL JOURNALISM OF THE LATE
17TH – EARLY 18TH CENTURIES
(PIERRE BAYLE AND BERNARD MANDEVILLE)**

The paper provides a comparative analysis of philosophical and religious views of Pierre Bayle and Bernard Mandeville, eminent philosophers of the new time, in the context of sociocultural thought development and sociocultural situation of the Early Enlightenment. Pierre Bayle was born in France but had to migrate to the Netherlands because of religious persecution. Pierre Bayle devoted himself to the fight against prejudices and social stagnation. Bernard Mandeville, a Dutchman of French origin, moved to England and, enjoying the culture and the language of the country, decided to stay there for good. In England Bernard Mandeville became notorious for his original pamphlets. The article focuses on P. Bayle's and B. Mandeville's interpretation of the following issues: the interconnection of faith and morality, atheism, freedom of conscience. The comparative analysis shows the continuity of Bayle's and Mandeville's ideas on key religious issues as well as their inner inconsistency.

Philosophy, religion, morality, freedom of conscience, paradox, Europe, New time

